

«Коммунистическая» археология Китая

(*Liu L., Chen X. The Archaeology of China: From the Late Paleolithic to the Early Bronze Age. New York: Cambridge University Press, 2012. 475 p.*)

Данная объемистая книга является очередной сводкой по первобытной и раннегосударственной археологии Китая. Следует отметить, что за последние 10–15 лет сходных работ на европейских языках, написанных китайскими (или тайваньскими) специалистами, практически не появлялось. Четвертое издание монографии К.-Ч. Чанга (Chang 1986) уже устарело, хотя еще сохраняет информационный потенциал для всех, кто занимается археологией Восточной Азии. Из подобных книг предыдущих лет можно также назвать работы Дж. Айгнер (Aigner 1981), Р. Ву и Дж. Олсена (Wu, Olsen 1985), Дж. Л. Барнс (Barnes 1999), Л. Лю (Liu 2004). Недавно появилась многостраничная сводка — «A Companion to Chinese Archaeology» (Underhill 2013), но ее полноценный анализ еще впереди. На русском языке наиболее полными по археологии до-государственного Китая являются работы С. Кучеры (см., например: Кучера 1996).

Поскольку книги, опубликованные в Западной Европе и США, часто не попадают в зону внимания российских специалистов (прежде всего, в силу малой доступности), я счел полезным дать развернутый анализ монографии Ли Лю [Li Liu] и Синчан Чена [Xingchan Chen].

Мое первое впечатление от книги было таким — очень хорошо, что появилось обновленное издание по археологии и ранней истории огромного региона в пределах Восточной Азии; примерно такое же мнение у автора краткой рецензии в журнале *Antiquity* (см. Hummler 2013). Однако по мере ознакомления с содержанием работы это впечатление сильно изменилось — уж слишком откровенно данная монография отдает национализмом и страдает предвзятостью. В настоящей рецензии автор попытался дать по возможности объективную оценку сильных и слабых сторон книги.

Во избежание ошибок русские названия стоянок или культур, а также некоторые термины, понятия и фамилии сопровождаются английскими синонимами в квадратных скобках. В тексте рецензии при необходимости даются ссылки на соответствующие страницы книги. Написание географических названий следует карте Китая (масштаб 1:5 000 000; М.: ГУГК, 1989) и «Атласу мира» (М.: ГУГК, 1984); названия археологических памятников и культур даны в тех вариантах, которые наиболее употребительны в российской научной литературе. Для удобства читателей все даты доисторических культур Китая даются как в значениях «календарных лет назад» (кал. л. н.), так и «радиоуглеродных (далее — ^{14}C) лет назад» (л. н.). Для получения дат в годах до Рождества Христова необходимо вычесть 1950 лет из калиброванного возраста — например, дата 5000 кал. л. н. соответствует 3050 г. до н. э. (т. е. начало IV тыс. до н. э.). Калибровка ^{14}C дат проведена с помощью графиков IntCal04 (см. Reimer et al. 2004).

Монография Л. Лю и С. Чена состоит из краткого введения, 11 глав, списка литературы и приложений (список находок костей лошади на стоянках неолита — эпохи бронзы; словарь китайских названий).

В начале рецензируемой работы есть посвящение — авторы отдают дань памяти авторитетному на Западе археологу и историку Кван-Чин Чангу [Kwang-Chin Chang] (1931–2001), известному в англоязычной среде еще и как «Кей-Си [К.-С.] Чанг». О нем необходимо сказать несколько слов. Он родился в Пекине; в 1946 г. переехал вместе с родителями на о. Тайвань. Как археолог К.-Ч. Чанг сначала обучался на Тайване (1950–1954 гг.), затем учился и работал в США (Гарвардский и Йельский университеты). Ему принадлежат обобщающие работы по доисторическому периоду и бронзовому веку Китая (включая древнейшие цивилизации на его территории). Пожалуй, это один из наиболее выдающихся археологов китайского происхождения. Следуют подчеркнуть, что в работах К.-Ч. Чанга, особенно в капитальной сводке по археологии Китая (см. четвертое издание: Chang 1986), нет никаких следов национализма и антикоммунизма, хотя он был совершенно свободен в выражении взглядов. Для недовольства коммунистическим режимом Китая у него были все основания — так, работы по уже поддержанному в 1982 г. Национальным научным фондом США проекту по созданию междисциплинарной лаборатории в Университете Сычуани были запрещены тогдашним директором Института археологии в Пекине, который был против любого участия «иностранцев» в исследовании далекого прошлого Китая. Лишь в 1992 г. начались работы по другому проекту — изучению древнейшей цивилизации Китая.

Глава 1 «Китайская археология: прошлое, настоящее и будущее» посвящена анализу состояния археологии Китая с момента начала научных археологических работ в 1910–1920-х гг. Утверждение авторов о том, что археологическое изучение Китая берет начало с раскопок в Аньяне [Anyang] в 1928 г. (с. 2), не соответствует действительности. Хорошо известно, что первые научные разведки и раскопки древних поселений в Китае были проведены в конце 1910-х — начале 1920-х гг. шведскими и французскими археологами и геологами (см., например: Andersson 1919, 1923; Licent, Teilhard de Chardin 1925); это, кстати, признают и китайские археологи (см., например: Zhang 2013: 896). Также общеизвестно, что знаменитый объект Чжоукоудянь [Zhoukoudian] близ г. Пекина был определен в конце 1910-х — середине 1920-х гг. как важнейшее местонахождение плейстоценовых костей животных и человека также западными учеными — Й. Г. Андерссоном (Швеция), О. Зданским (Австрия) и Д. Блэком (Канада). Об истории открытия Чжоукоудяня существует обширная литература на английском языке (см., например: Teilhard de Chardin 1965; Shapiro 1976; Jia, Huang 1990; Boaz, Ciochon 2004), и если китайскому исследователю С. Чену еще как-то простительно не знать об этом (возможно, в силу затрудненного доступа к перечисленным источникам), то для базирующейся в Калифорнии (Стэнфордский университет) Л. Лю, имеющей возможность пользоваться мощнейшими библиотечными ресурсами США, такая ошибка совершенно непозволительна. Полагаю, причина кроется в том, что авторы монографии намеренно пытаются приуменьшить роль иностранных исследователей в угоду современному политическому режиму Китая.

Утверждение о том, что далеко не все зарубежные исследователи принесли пользу китайской археологии, а занимались грабежом культурного наследия (называются имена А. Штайна [A. Stein], С. Гедина [S. Hedin], Д. Клеменца и П. Пеллио [P. Pelliot]; см. с. 5), также можно отнести к националистическим

выпадам. Помимо того что находки из пустынных районов северо-западного Китая доступны для изучения и по сей день в музеях Европы и Америки, в ряде случаев они просто были спасены от вандализма и разрушения (см. Norrkirk 2006). Так, в биографии известного археолога Ауреля Штайна приводится случай, когда росписи в изученных им в начале XX в. пещерах Дуньхуана (провинция Ганьсу) при повторном посещении американскими специалистами в 1924 г. были найдены сильно поврежденными отрядом белогвардейской кавалерии, отступившим сюда из Монголии и устроившим в пещерах убежище (см. Walker 1998: 269). Так что было лучше в той ситуации — оставить пещеры на разграбление охотникам за древностями (а они там никогда не переводились!) или забрать хотя бы часть артефактов, рукописей и фресок в надежные хранилища?

Далее авторы кратко перечисляют достижения и открытия китайских археологов в послевоенные годы, включая следующие: поселения со стенами в долине р. Янцзы, датирующиеся ранним неолитом (7000–5800 гг. до н. э.); элитные погребения в низовьях р. Янцзы с большим количеством нефритовых украшений, относящиеся к позднему неолиту (3800–2000 гг. до н. э.); находки могильников в провинции Сычуань с большими бронзовыми статуями; раскопки неолитической культуры синлунва [Xinglongwa] в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), датируемой 6200–5200 гг. до н. э.; сооружения типа храмов в Маньчжурии (главным образом — объект Нюхелянь [Niuheliang]), построенные около 3500 г. до н. э. и отражающие рост социальной сложности [social complexity] общества; последовательность неолитических культур в восточном Китае (хоули [Houli] — бейсин [Beixin] — давенькоу [Dawenkou] — луншань [Longshan]), существовавших в период 6200–2000 гг. до н. э.; элитные погребения культуры яншао [Yangshao] в среднем течении р. Хуанхэ (около 3500 г. до н. э.). Авторы подчеркивают, что находки ряда поселений и целых культур (типа лянцзю [Liangzhu] в низовьях р. Янцзы; возраст 3200–2000 гг. до н. э.) с высоким уровнем обработки украшений и большими погребальными конструкциями дали возможность китайским археологам предполагать, что общество достигло государственного уровня развития уже в позднем неолите. Такое же мнение было выражено по поводу поздненеолитических культур давенькоу и луншань (4100–2000 гг. до н. э.) на основании находок элитных погребений с богатыми украшениями и укрепленных поселений со стенами. На мой взгляд, данных фактов совершенно недостаточно для ассоциации всех названных культур с первыми государствами Китая, что почти автоматически означает начало цивилизации (см. анализ глав 8 и 10).

Раздел данной главы «Интерпретации» (с. 16–19) включает в себя обзор развития взглядов на происхождение цивилизации в Китае. Авторы подчеркивают, что высказанные до 1980-х гг. мнения о зарождении цивилизации в едином центре на Центральной равнине [Central Plain], занимающей низовья р. Хуанхэ, сменились в 1980–1990-х гг. на мультирегиональную парадигму, когда несколько районов в центральной части Китая рассматриваются в качестве нуклеарных при переходе к цивилизационному уровню развития общества. Кратко упоминается о широкомасштабном проекте по изучению хронологии древнейших государств Китая — Ся [Xia], Шан [Shang] и Чжоу [Zhou], осуществленном в 1990-х гг. Отмечается, что результаты работ по проекту не изменили

принципиально хронологию самой ранней цивилизации Китая (с. 19); к этому вопросу мы еще вернемся (см. анализ главы 10).

Авторы также кратко характеризуют международное сотрудничество в области изучения археологии Китая, которое реально началось в конце 1980-х — начале 1990-х гг. В заключительной части главы подчеркивается, что главной целью археологии в Китае была и остается реконструкция истории страны.

Глава 2 «Окружающая среда и экология» содержит информацию о современной природе и палеогеографии Китая в конце плейстоцена — голоцене (последние 20–25 тыс. лет). Авторы делят исследуемую территорию на два основных региона — Северный Китай (с умеренным климатом) и Южный Китай (с субтропическим и тропическим климатом); границей между ними являются бассейн реки Хуай [Huai] и горы Цинлинь [Qinling]. Выделяются также три основные экологические зоны: 1) аридная степь (включая пустыни, о чем авторы прямо не говорят); 2) травяная степь; 3) лесная зона.

При характеристике палеогеографической ситуации за последние 18 тыс. лет авторы используют сводную работу 1990-х гг. (Winkler, Wang 1993), уже во многом устаревшую; рисунки из нее воспроизведены с ошибками (с. 31, рис. 2.4, А). Для голоцена не задействована гораздо более полная работа (Ren, Beug 2002), хотя в списке литературы она имеется.

При характеристике азиатского муссона за последние 12 тыс. лет авторы предполагают, что изменение его максимума за последние 9000 лет — смещение от линии «среднее течение р. Хуанхэ — Ляодун» (9000 л. н.) к юго-востоку, южнее долины р. Янцзы (3000 л. н.) — могло иметь решающее воздействие на условия обитания неолитического человека; в частности, на коллапс культуры хуншань [Hongshan] в Ляонине около 5000 кал. л. н. Авторы определяют «коллапс» как событие, при котором у общества наблюдается быстрая потеря уровня социополитической сложности (с. 34). Следует отметить, что излишнее увлечение парадигмой социальной сложности (что явно прослеживается у авторов книги; см. ниже) может привести к неверному выводу о том, что подобные «коллапсы» происходили довольно часто. На мой взгляд, здесь Л. Лю и С. Чен совершают методологическую ошибку; фигурально выражаясь, они «ставят телегу впереди лошади». Для подобных выводов нужно *доказать* причинно-следственную связь изменений климата (весьма постепенных в данном случае) и исчезновения культурных комплексов, а не *предполагать* таковую как нечто само собой разумеющееся.

Находясь под влиянием парадигмы географического детерминизма, авторы отмечают связь таких явлений, как: 1) увеличение количества неолитических поселений после холодного климатического периода, окончившегося около 8000 кал. л. н.; 2) коллапс культуры хуншань и смену культуры яншао на луншань около 5200 кал. л. н.; 3) появление первого социума уровня государства — эрлитоу [Erlitou] — около 4200 кал. л. н. При этом прослеживается явное несоответствие выбранной парадигмы и фактических данных. Сами авторы отмечают, что в разных регионах Китая одни и те же климатические условия вызывали разные последствия: так, около 4000–3000 кал. л. н. процветали государства Поздняя Шан [late Shang] и Раннее Западное Чжоу [early Western Zhou]; в это же время на северо-западе в силу аридизации климата поселения становятся мельче по размеру, а во Внутренней Монголии вообще на время

исчезают (с. 38–39). Неясно, как это согласуется с однонаправленным изменением климата; скорее всего, дело в изменении региональных природных условий, особенно в засушливых регионах, где даже небольшие флуктуации осадков могли вызывать серьезные последствия, напрямую отражавшиеся на условиях обитания древнего человека. Для этого совершенно не нужно применять подход, который практикуют авторы книги; он заключается в том, что любые изменения климата *должны были* напрямую отражаться на существовании древних культур.

В некоторых случаях авторы смешивают разные климатические и антропогенные события, между которыми нет прямой связи. Так, при рассмотрении воздействия человека на растительность в бассейне р. Хуанхэ в неолите они говорят об исчезновении широколиственных пород деревьев (дуба) и их замещении хвойными породами около 4000 кал. л. н., и о появлении пыльцы греихи около 1300 кал. л. н. (с. 40). Неясно, как связаны эти факты, относящиеся к разным интервалам времени.

Глава 3 «Бродячие и полуседлые охотники-собиратели при переходе от плейстоцена к голоцену (24 000–9000 кал. л. н.)» посвящена наиболее раннему отрезку времени, рассматриваемому в данной монографии — переходному периоду от плейстоцена к голоцену, что приблизительно соответствует переходу от палеолита к неолиту. Авторы, опираясь на работы Л. Бинфорда, выделяют две категории населения с различными стратегиями добычи пищи: «бродячие охотники-собиратели» [foragers] и «полуседлые охотники-собиратели» [collectors]. Разница между ними состоит в том, что первые передвигаются достаточно часто и всем коллективом, тогда как вторые имеют относительно постоянную базу для большинства населения, от которой на сбор и добычу пищи отправляются небольшие группы.

Признавая отсутствие единого мирового критерия(ев) выделения эпохи неолита, авторы определяют «неолит» в Китае как период экономических трансформаций (включая доместикацию растений и животных), когда люди используют пищевые ресурсы не так, как охотники-собиратели (с. 46). Данная позиция является, на мой взгляд, весьма уязвимой, так как в большинстве регионов северной части Китая доместикация растений произошла не ранее 9000–8000 л. н., или 10 200–9000 кал. л. н. (см., например: Lu et al. 2009), а на юге Китая гораздо позже, около 4700–4400 л. н., или 5000–4500 кал. л. н. (см., например: Zhang, Hung 2010). Таким образом, многие голоценовые объекты, в том числе имеющие керамику, попадают в палеолит; авторы называют такие памятники «эпипалеолитическими» (с. 46).

Следует несколько подробнее остановиться на определении «неолит» на юге Китая. Если принять позицию Л. Лю и С. Чена о том, что он начинается с земледелия, то на юге и юго-западе Китая донеолитическая эпоха продолжалась вплоть до рубежа среднего и позднего голоцена, около 4500 кал. л. н. (или 4400 л. н.). Об этом свидетельствуют, например, результаты работ на опорном памятнике Баодун [Baodun] в провинции Сычуань, датированном этим возрастом — только тогда на юго-западе Китая появляются домашние рис и просо (d'Alpoim Guedes et al. 2013). Выходит, что древние обитатели Сычуаня «дожидались» неолита тысячи лет по сравнению с сопредельными регионами? Ведь этот весьма плодородный регион не отгорожен от центрального Китая

высокими горами, пустынями или другими природными препятствиями. Приходится констатировать, что попытка ограничить понимание восточноазиатского неолита лишь земледельческими культурами вряд ли продуктивна.

Из многочисленных памятников переходного времени выбраны несколько; на севере Китая это Сячуань [Xiachuan], Лонванчан [Longwangchan]. Шизитан [Shizitan] и Хутоулянь [Hutouliang] (бродячие охотники-собиратели финала плейстоцена); Донхулин [Donghulin], Жуанянь [Zhuannian], Нанчжуантоу [Nanzhuangtou], Личжагоу [Lijagou] и Бяньбяньдон [Bianbiandong] (полуоседлые охотники-собиратели начала голоцена). Для объектов финала плейстоцена характерны отсутствие керамики и небольшое количество терочных камней, которые типичны и многочисленны на стоянках раннего голоцена. Часто хронология стоянок основана не на ¹⁴C датах, а на более общих заключениях, базирующихся на результатах палинологического (спорово-пыльцевого) анализа. Л. Лю и С. Чен пытаются найти для объектов начала голоцена черты, которые существенно отличали бы их от таковых конца плейстоцена, включая более выраженную оседлость населения в раннем голоцене. Однако следов постоянных жилищ в последнем случае не выявлено, а привлечение данных о наличии керамики, погребений, терочных камней и увеличенном размере поселений (по сравнению с финалом плейстоцена) выглядит, на мой взгляд, натянутым (с. 57). Отсутствуют на памятниках раннего голоцена и находки желудей, но при этом делается вывод о том, что их, вероятно, собирали и использовали в пищу (с. 57). Подобный стиль построения выводов — сначала «возможно, что...», а затем «известно, что...» (слово «возможно» при этом убирается) хорошо характеризует английское выражение *wishful thinking* (принятие желаемого за действительное).

Из объектов в центральной и южной частях Китая в данной главе рассматриваются Ючанань [Yuchanyuan] и Зенпянь [Zengpiyan] (бродячие охотники-собиратели финала плейстоцена), а также Шаньшан [Shangshan] (полуоседлые охотники-собиратели начала голоцена). Среди них наиболее важна стоянка Ючанань — здесь обнаружена керамика, имеющая возраст около 14 800 л. н. (или 18 500 кал. л. н.). Для памятника Шаньшан имеются данные по составу органики, сохранившейся на поверхности терочников; они свидетельствуют об обработке желудей дуба и плодов дикорастущих видов. Авторы подчеркивают, что этот памятник является самым ранним свидетельством высокой степени развития оседлости в долине р. Янцзы (с. 64). При этом неясно, чем же он принципиально отличается от объектов типа Ючанань и Зенпянь — так, на всех них присутствует керамика; нет следов постоянных жилищ; есть данные об употреблении в пищу широкого спектра продуктов (для Зенпяня и Шаньшаня). Разница лишь в возрасте — по оценкам авторов, Шаньшан датируется около 11 400–8600 кал. л. н. (или 10 000–7800 л. н.), что лишь немного моложе Зенпяня (12 000–8000 кал. л. н., или 10 200–7200 л. н.).

В данной главе в рамках перехода от палеолита к неолиту рассматриваются также проблемы происхождения керамики и оседлости в Китае (с. 64–74). Обсуждая первую проблему, Л. Лю и С. Чен выделяют две области с самыми ранними керамическими изделиями — южный Китай (стоянка Ючанань) и северный Китай (объект Хутоулянь). Говоря о последнем, нужно отметить, что его включение в список памятников с самой ранней керамикой не обосновано.

Об этом ясно сказано в моем обзоре хронологии древнейшей керамики Восточной Азии (Kuzmin 2006: 366; см. также Кузьмин 2013). Отсутствие знакомства с этой часто цитируемой публикацией (Kuzmin 2006) (по состоянию на 01.09. 2014 — 41 раз, по данным Web of Science) ослабляет позицию авторов.

При обсуждении возможного влияния изменений природной среды на процесс появления и распространения керамики в Восточной Азии в конце плейстоцена, т. е. около 15 тыс. л. н. и позднее (с. 64–68), использована схема растительности времени последнего ледникового максимума около 21–15 тыс. л. н. (см. с. 65, рис. 3.8). Поскольку в финале плейстоцена происходили быстрые и необратимые изменения ландшафтов, более корректным было бы привлекать материалы по обстановкам, относящимся ко времени *после* максимума похолодания (см., например: Winkler, Wang 1993: 245). Говоря о памятниках с древнейшей керамикой в соседних с Китаем регионах, авторы ошибочно определяют стоянку Одай Ямамото 1 [Odai Yamamoto 1] на севере о. Хонсю (Япония) как пещеру (с. 68). В отчете о раскопках (см. Taniguchi 1999: 135) ясно сказано, что объект находится на террасе реки.

Изменения в технологии изготовления керамики (от использования органического отощителя и низкой температуры обжига в самых ранних комплексах позднеледниковья к минеральному отощителю и более высокой температуре обжига в раннем неолите) связываются с функциональным назначением сосудов (с. 66–67). Представляется, что можно дать и более простое объяснение подобной эволюции — она определяется развитием технологии изготовления керамики, в частности, появлением печей для обжига и увеличением его температуры. Подобная траектория развития керамической технологии хорошо известна на территории Дальнего Востока России (см., например: Жущиховская 2004; существует перевод этой книги на английский язык, изданный в 2005 г.).

Процесс появления оседлости (с. 70–73) рассматривается на примере памятника Шаншан. Авторы приходят к выводу о том, что основным растительным ресурсом служил не дикий или культивируемый рис, а плоды деревьев (типа желудей).

Л. Лю и С. Чен связывают появление керамики в Китае с изменениями адаптации человека к природной среде, а также с усилением оседлости и увеличением в питании населения определенных видов пищи — в частности, наземных моллюсков, рыбы и растительных ресурсов (таких, как плоды и корни древесных и кустарниковых растений, а также диких злаков) (с. 64). Однако данный вывод является слишком общим, так как на памятниках с самой древней керамикой нет следов процессов, выделяемых авторами (см. выше). Практически все из выбранных ими явлений, связанных с появлением керамики (наличие терочных камней; увеличение роли растительной пищи в рационе; использование хранилищ типа ям) (с. 74), известны уже в позднем палеолите (из последних работ в этом направлении в Китае см., например: Liu et al. 2013; см. также данные по Европе: Aranguren et al. 2007; Revedin et al. 2010). Таким образом, попытка использовать упрощенные критерии для определения ведущих факторов появления керамики, как это сделано авторами книги, не слишком продуктивна.

Говоря о данной главе в целом, нужно отметить также селективность материала. Так, практически ничего не сказано о позднем палеолите, хотя в названии книги эта эпоха фигурирует. Из наиболее полных англоязычных сводок

по позднему палеолиту Китая последнего десятилетия можно назвать работы Ч. Чена (Chen 2007), Н. Бартон с соавторами (Barton et al. 2007) и Т. Ку с соавторами (Qu et al. 2013). В списке литературы отсутствует фундаментальная работа Дж. Айгнер (Aigner 1981) по палеолиту Китая. Очевидным является стремление Л. Лю и С. Чена использовать в первую очередь работы китайских специалистов, однако они либо труднодоступны, либо часто написаны по принципу *wishful thinking* (см. примеры: Кузьмин 2013: 10–13).

В главе 4 «Доместикация растений и животных» приводятся свидетельства процесса появления в Китае культурных растений (риса, проса, сои, корнеплодов типа ямса и таро, пшеницы, ячменя и овса) и животных (собаки, свиньи, овцы, козы, коровы, буйвола, лошади и курицы). Отмечая, что процесс доместикации риса занял несколько тысячелетий (с. 80), авторы, тем не менее, склоняются к точке зрения о раннем появлении культурного риса в Китае. Здесь нужно сделать поправку на то, что этот вопрос является не только научным, но и отчасти политическим — китайские специалисты стараются доказать глубокую древность этой важнейшей сельскохозяйственной культуры Востока. Поэтому данные о присутствии риса в отложениях пещер Ючанань и Сянрендун [Xianrendong] возрастом не менее 7500 л. н. (8000 кал. л. н.) (см. с. 76) принимаются без критического анализа, а далее в этой же главе говорится о том, что на одном из этих объектов (Ючанань) рис является не доместицированным, а диким (с. 79). Культивация риса в Северном Китае датируется авторами около 8400 л. н. (9000 кал. л. н.), а в Южном Китае — около 5600 л. н. (6000 кал. л. н.). Это означает, что эпоха *неолита* (в понимании Л. Лю и С. Чена; см. выше) в южных регионах Китая наступает лишь в среднем голоцене.

В отношении решения вопроса о времени появления другой важнейшей в Восточной Азии культуры — проса — авторы непоследовательны. Так, они заявляют, что первые свидетельства культивации проса датируются 7700–6500 л. н. (8200–7000 кал. л. н.), а данные о более раннем появлении этой культуры, около 9500 л. н. (10 300 кал. л. н.) на памятнике Цишань [Chishan] (см. Lu et al. 2009), отвергают на основании того, что: а) изучались не семена, а фитолиты [фитолиты — микроскопические опаловые частицы, производимые растительностью; по их форме можно определить до рода (а иногда и до вида) произраставшие на стоянке растения]; б) образцы отбирались без контроля стратиграфии; в) AMS ¹⁴C даты получены не по остаткам риса (с. 84). Однако, если обратиться к списку памятников, для которых возраст доместицированного риса принимается как надежный (с. 83) — Синлунгоу [Xinglonggou], Ючжунань [Yuezhuan], Дадиван [Dadiwan], Цишань (более ранние раскопки, чем у Lu et al. 2009), культура пейлиган [Peiligang], — то практически для всех них этот набор требований не выдерживается. Особенно это касается прямого AMS ¹⁴C датирования зерен риса, которое до сих пор в Китае проводится весьма редко (см., например, обзор: Kuzmin et al. 2009). Избирательность Л. Лю и С. Чена в этом вопросе, по моему мнению, не обоснована.

Что касается появления культурной сои, то оно датируется около 8400 л. н. (9000 кал. л. н.) в Северном Китае. Другие злаки (пшеницы, ячмень и овес) появились в Китае в результате заимствования из западных регионов Старого Света не ранее III тыс. до н. э.

В отношении domestikации животных авторы отмечают, что самые первые следы домашней собаки известны около 9200 л. н. (10 000 кал. л. н.) на стоянке Нанчжуантоу [Nanzhuangtou] близ г. Пекина, а домашней свиньи — около 8400 л. н. (9000 кал. л. н.) на памятнике Чжяху [Jiahu] в провинции Хенань к югу от р. Хуанхэ. Остальные важные домашние животные (овца, коза, корова, буйвол) появились в Китае в III тыс. до н. э.; лошадь, вероятнее всего — во II тыс. до н. э. Авторы отмечают, что domestikцированные растения и животные играли весьма малую роль в жизнеобеспечении человека вплоть до среднего неолита, 6500–4700 л. н. (7000–5000 кал. л. н.) (с. 121).

В отношении domestikации курицы нужно заметить, что данные о присутствии ее костей на стоянке Цишань около 8500–7000 кал. л. н. (8000–6500 л. н.) (с. 116) не подтверждаются в результате новейших исследований (Масаки Эда [Masaki Eda], Университет Хоккайдо, Япония; личное сообщение, декабрь 2013 г.; см. также Campbell 2013: 1217–1218). Таким образом, домашняя курица появилась в Китае гораздо позже, чем это представлялось до сих пор.

В главе 5 «Неолитизация: оседлость и производство пищи в раннем неолите (7000–5000 гг. до н. э.)» рассматриваются различные вопросы процесса «неолитизации» на протяжении около двух тысяч лет (7000–5000 гг. до н. э., или 9000–7000 кал. л. н. [8400–6500 л. н.]). При характеристике ранне-неолитических культур Л. Лю и С. Чен подчеркивают, что система жизнеобеспечения в это время была многоплановой, с незначительной ролью производящей экономики (см., например, с. 144, 164, 166, 168). Также отмечается, что на ряде поселений выявлены защитные конструкции типа рвов (с. 129, 139, 154).

Отмечается, что в китайской археологии наличие таких явлений, как оседлое проживание, земледелие, керамика, полированные орудия и зернотерки, является критерием выделения неолита (с. 123). Нужно отметить, что в течение многих десятилетий китайские археологи были уверены в том, что присутствие керамики неизменно означает наличие земледелия (см., например: Но 1984; Ва 1992). Таким образом, одно только наличие керамики давало возможность объявить памятник неолитическим. Лишь спустя много лет стало ясно, что находка керамики еще не является основанием для ассоциации данного объекта с неолитической эпохой; этот факт следует иметь в виду, когда знакомишься с материалами древнейших керамических памятников Китая. Особенно это относится к так называемым «ранне-неолитическим» стоянкам на юге Китая (см. ниже).

Для ряда комплексов раннего неолита в центральном Китае (например, культуры пейлиган) отмечается значительная роль орехов и желудей в структуре питания (с. 144). Одним из наиболее полно изученных объектов является Чжяху [Jiahu] на междуречье рек Хуанхэ и Хуай. Путем флотации культурного слоя удалось получить значительное количество растительных остатков, в том числе культурных риса и соевых бобов, диких корнеплодов, а также желудей и плодов каштана. Ряд погребений, найденных на стоянке, характеризуется весьма богатым инвентарем, включая панцири черепах и музыкальные инструменты (дудочки из костей птиц с отверстиями, на которых можно было исполнять мелодии). Предполагается, что эти изделия могли быть использованы в ритуальных целях (с. 147). Некоторые из панцирей черепах имеют знаки, которые рассматриваются как ранние свидетельства существования письма, но

без утверждения о том, что в ранненеолитическое время существовала развитая письменность (с. 147).

Ранний неолит нижнего течения р. Янцзы интересен тем, что здесь на стоянке Кяхуэяо [Kuañuqiao] в условиях переувлажненного культурного слоя найдены остатки древнейшей в Восточной Азии лодки (длиной 5,6 м и толщиной 2,5 см), выдолбленной из цельного ствола дерева; ¹⁴C датирование древесины показало возраст около 7000 л. н. (7900 кал. л. н.) (Jiang, Liu 2005). Вместе с лодкой найдены остатки трех весел (с. 160).

Что касается ранненеолитических объектов Южного Китая (с. 160–162), то, по моему мнению, только стоянки культуры динсишан [Dingsihan] на юге провинции Гуанси можно отнести к таковым. Большинство памятников «раннего неолита» региона не имеет следов культурных растений или домашних животных. Авторы пытаются убедить читателя в том, что их можно связать с неолитом, принимая, что обитатели *могли* знать о возделывании риса в долине р. Янцзы, а большое количество корнеплодов *может* указывать на их domestикацию (с. 162). По моему мнению, подобная логика неубедительна, и в ходе рассуждений Л. Лю и С. Чена явно прослеживается элемент *wishful thinking*.

В главе 6 «Возникновение социального неравенства — средний неолит (5000–3000 гг. до н. э.)» содержится информация о развитии социополитической сложности у древних культур Китая в течение около 2000 лет. Как это станет ясно ниже, чаще всего свидетельства усложнения социальной структуры и присутствия неравенства в среднем неолите Китая отсутствуют.

Авторы отмечают, что данная эпоха соответствует времени голоценового климатического оптимума, и ухудшение климата на севере Китая около 5000 кал. л. н. (4800 л. н.) могло играть определенную роль в развитии экономики и социальной структуры этого времени (с. 169–170).

Л. Лю и С. Чен отмечают несколько важных социальных феноменов для среднего неолита Китая: 1) земледелие, которое в благоприятных климатических условиях становится главным источником жизнеобеспечения, приводя к росту населения; 2) антропогенный пресс на земледельческие районы; 3) первые свидетельства социального неравенства, появившиеся в ряде регионов Китая в IV тыс. до н. э.; 4) возникновение поселений, обнесенных стенами, а также культовых построек типа храмов (с. 170).

На севере Китая (в долине р. Ляо) для культуры чжаобаогу [Zhaobaogou] (7200–6500 кал. л. н., или 6600–6200 л. н.) известны монументальные общественные сооружения в виде каменных алтарей (с. 172). Для сменившей ее культуры хуншань (датируемой в целом 6500–5000 кал. л. н., или 6200–4800 л. н.) отмечаются первые в Маньчжурии свидетельства существования сложных обществ, появляющихся на позднем этапе этой культуры (5600–5100 кал. л. н., или 5100–4800 л. н.); наиболее полно они представлены на комплексе памятников Нюхелянь. Здесь на территории около 50 км² найдено 16 ритуальных каменных алтарей и пирамид, а также ряд погребений с большим количеством изделий из нефрита, которые рассматриваются как принадлежащие элите (с. 178).

Отмечается, что коллапс культуры хуншань около 5000 кал. л. н. (или 4800 л. н.) наступил одновременно с похолоданием и иссушением климата (с. 182). Авторы делают вывод о том, что исчезновение хуншаньских поселений связано с комплексом факторов, включая изменения климата, сверх-эксплуатацию

земельных угодий и социальную реакцию на внешние воздействия (т. е. упор на строительство храмов вместо поиска путей решения кризиса, вызванного ухудшением условий земледелия) (с. 183).

В бассейне р. Хуанхэ, где в среднем неолите были распространены культуры бейсин (7300–6300 кал. л. н., или 6800–5400 л. н.) и давенькоу (6300–4600 кал. л. н., или 5900–4400 л. н.), нет свидетельств социальной иерархии (с. 184), и только после 5000 кал. л. н. (4800 л. н.) в культуре давенькоу имеются следы присутствия элиты. В чем же конкретно это выражается? Согласно Л. Лю и С. Чену, существование социального расслоения находит подтверждение в различиях между погребениями (более и менее богатыми) в пределах одного могильника (с. 186). По моему мнению, этого явно недостаточно для столь радикального вывода.

Расцвет среднего неолита в долине р. Хуанхэ связан с культурой яншао, существовавшей около 7000–5000 кал. л. н. (или 6500–4700 л. н.). Данная культура делится на три хронологические фазы. На ранней фазе баньпо [Banpo] (7000–6000 кал. л. н., или 6500–5600 л. н.) и средней фазе сипо [Xipo] (6000–5500 кал. л. н., или 5600–4700 л. н.) нет свидетельств социального расслоения (с. 190–193). Тем не менее, авторы пытаются трактовать присутствие различного количества погребального инвентаря в могилах на объекте Сипо как появление социальной иерархии, однако сами же приводят данные о том, что размеры могил и количество погребальных вещей не совпадают — часто меньшие по размерам (детские) могилы имеют престижные предметы из нефрита (с. 192–193, 196–197). К этому можно добавить, что редкие поселения со стенами появляются лишь в самом конце культуры яншао, около 5500–5000 кал. л. н. (5100–4800 л. н.) (с. 194).

В бассейне р. Янцзы поселения, обнесенные стенами, появляются в культуре даси [Daxi] (около 7000–5300 кал. л. н., или 6500–4900 л. н.). Наиболее известен памятник Чентушань [Chengtoushan] в среднем течении Янцзы; на могильнике вне стен в одном из погребений найден сравнительно богатый инвентарь, включающий два изделия из нефрита, рассеянные кусочки киновари и череп ребенка (с. 200). По мнению авторов монографии, этот факт отражает появление социального расслоения; по моему мнению, для подобного заключения этих свидетельств явно недостаточно.

Памятники среднего неолита в нижнем течении р. Янцзы включают культуры хемуду [Hemudu] (около 7500–5300 кал. л. н., или 7000–4900 л. н.), мацзябань [Majiabao] (около 7000–6000 кал. л. н., или 6500–5600 л. н.) и сонцзе [Songze] (около 6000–5300 кал. л. н., или 5600–4900 л. н.). Упоминается стоянка Каосешань [Caoxieshan] близ озера Тайху (с. 202), однако нет данных о присутствии на этом объекте самой древней для Китая сохранившейся ткани (Wang 2001; см. также: Yu 1997: 70), что крайне важно для археологии всей Восточной Азии (см. Kuzmin et al. 2012). На основании находок нефритовых культовых вещей в некоторых погребениях культуры хемуду, датируемых около 6000–5200 кал. л. н. (5600–4800 л. н.) (с. 202), говорится о существовании элиты, однако тут же делается вывод о том, что данная культура была по сути эгалитарной (т. е. без социального неравенства) (с. 203). Правда, далее говорится о том, что на стоянке Доншанкун [Dongshancun] культуры сонцзе (около 5800 кал. л. н., или 5400 л. н.) раскопано 27 небольших погребений, и 9 — большего

размера со значительным (в одной из могил — 67) количеством вещей из нефрита, керамики и камня (с. 203–204). По моему мнению, имеющиеся данные не позволяют сделать однозначный вывод о зарождении социального неравенства в среднем неолите бассейна р. Янцзы.

Что касается Южного Китая, то только в среднем неолите здесь отмечены самые ранние свидетельства земледелия в виде культивации риса (с. 207). Следуя определению термина «неолит» (см. выше), именно этот период (около 6000–4000 кал. л. н., или 5600–4000 л. н.) можно уверенно назвать *неолитическим*, а объекты предыдущего времени, следуя логике Л. Лю и С. Чена, должны определяться как «палеолитические», «эпипалеолитические» или «мезолитические».

Таким образом, средний неолит Китая является эпохой дальнейшего развития земледелия и изготовления изящных изображений из нефрита, однако признать точку зрения авторов о том, что социальное расслоение появляется в это время в ряде районов (с. 210), по моему мнению, не представляется возможным. Отдельные (весьма редкие!) свидетельства более богатых погребений на некоторых (также редких) памятниках не могут быть приняты как несомненные свидетельства появления социального неравенства и зарождения слоя элиты, контролировавшей природные ресурсы и ритуальные церемонии.

В главе 7 «Возникновение и исчезновение ранних сложных обществ: поздний неолит (3000–2000 гг. до н. э.)» дается характеристика археологических культур финала неолита. Как и в предыдущей главе, некоторые из описываемых комплексов не вполне соответствуют их определению как «неолитические» в силу отсутствия производящей экономики (с. 213); это, в частности, памятники в Маньчжурии (по крайней мере, часть), Синьцзяне, Тибете и в некоторых районах Южного Китая (см. ниже).

Основное внимание уделено комплексам давенькоу (поздний этап: 5000–4600 кал. л. н., или 4700–4400 л. н.) и луншань (4600–3900 кал. л. н., или 4400–3900 л. н.). Авторы утверждают, что материал погребений культуры давенькоу свидетельствует о существовании социальной стратификации (с. 218). Практика погребений с богатым инвентарем, относимых к элите, продолжается, по мнению Л. Лю и С. Чена, в следующей за давенькоу культуре луншань. Отмечается, что на ряде предметов культуры давенькоу есть знаки и символы, напоминающие иероглифы, однако они не связываются с появлением письменности (с. 220).

Для луншаня отмечается заметный рост населения — так, если в ряде провинций центрального Китая известно около 3550 поселений культуры яншао, то количество луншаньских памятников составляет около 4300 (при этом продолжительность культуры луншань вдвое короче, чем яншао) (с. 220). В северных районах Китая известны луншаньские поселения с земляными и даже каменными стенами (с. 230). После примерно пятисотлетнего существования луншаньские памятники внезапно исчезают, что пока не получило должного объяснения. Так, в начале II тыс. до н. э. процветавшие до этого центры (как, например, Таоси [Taosi] в пров. Хенань) были покинуты.

В верхнем течении р. Янцзы важное место в позднем неолите занимает культура мацжяо [Majiaobao] (5300–4000 кал. л. н., или 4900–4000 л. н.). Авторы отмечают, что первые исследования этого культурного комплекса были проведены Й. Г. Андерссоном в начале 1920-х гг., что явно не соответствует высказанной

ими точке зрения о том, что научная археология Китая ведет отсчет с 1928 г. (см. с. 2). На одном из памятников культуры мачжяо в пров. Ганьсу найден самый древний на территории современного Китая бронзовый артефакт — нож, датированный около 4900–4700 кал. л. н. (или 4700–4500 л. н.) (с. 234).

На ряде памятников среднего и позднего неолита в пров. Ганьсу известны находки культурных злаков «западного» происхождения — пшеницы и ячменя (датированы ¹⁴C методом около 6600 кал. л. н., или 6100 л. н.), а также овса (около 5000 кал. л. н., или 4800 л. н.) (с. 234).

В нижнем течении р. Янцзы основным комплексом позднего неолита является культура лянцзю (5300–4000 кал. л. н., или 4900–4000 л. н.). Авторы отмечают, что известные на некоторых ее памятниках артефакты с символами, рассматриваемые рядом ученых как древнейшая письменность, скорее всего, таковой не являются (с. 240). К сожалению, в книге нет информации о наличии остатков тканей на стоянках данной культуры (см., например: Barnes 1999: 173; см. также: Kuzmin et al. 2012).

Для культур таншишань [Tangshishan] и хуангуашань [Huangguashan] в прибрежных районах юга Китая (пров. Фуцзянь), датированных около 5000–4000 кал. л. н. (или 4800–4000 л. н.) и 4300–3500 кал. л. н. (или 4200–3600 л. н.) соответственно, важное значение имело собирательство морских моллюсков, оставившее после себя многочисленные «раковинные кучи» (с. 248).

В данной главе Л. Лю и С. Чен проводят краткий критический анализ точек зрения о связи ряда поселений позднего неолита с историческими городами и государствами (с. 222, 227). При этом, в отличие от ряда других разделов книги, здесь они не принимают априорно взгляды китайских археологов, а оценивают их, исходя из имеющихся данных и здравого смысла.

В главе 8 «Формирование ранних государств на Центральной равнине: эрлитоу и эрлиган (1900/1800–1250 гг. до н. э.)» рассматривается время возникновения первых государств [states]. Отмечается, что на Центральной равнине Китая находилась одна из самых ранних в мире цивилизаций (с. 253). Необходимо заметить, что при использовании наиболее утвердившегося определения термина «цивилизация», подразумевающего существование государства, урбанизма и письменности (см., например: Renfrew 1980), китайская цивилизация явно моложе других, существовавших в Месопотамии (примерно с 3100 г. до н. э.), Египте (с 3000 г. до н. э.), в долине р. Инда (Хараппа; с 2500 г. до н. э.) и на о. Крит (с 2200 г. до н. э.). Авторы упоминают о том, что даже ранний династический период в Китае, предшествующий Поздней Шан (она датируется около 1250–1046 г. до н. э.), является *дописьменным* (с. 253).

При изучении происхождения государства и цивилизации Л. Лю и С. Чен придерживаются социально-археологического подхода (с. 258–259), принимая, что комплекс эрлитоу с его элитной культурой, связанной с определенной ритуальной практикой, представляет собой *государство*, существовавшее в начале II тыс. до н. э., и что его можно называть *цивилизацией* (с. 259). При этом подчеркивается, что культура эрлитоу не отождествляется с династией Ся.

Комплекс эрлитоу датируется в целом 1900–1500 гг. до н. э. (с. 259). Авторы отмечают, что его существование частично перекрывается с традиционной хронологией династии Ся — 2070–1600 гг. до н. э. При этом не упоминается о масштабном проекте по ¹⁴C датированию самых ранних государств в Китае

(Lee 2002), по результатам которого хронология Ся определена как 2100–1600 гг. до н. э. (Guo et al. 2000). Правда, есть упоминание о результатах ¹⁴C датирования памятников культуры эрлитоу: 1870–1530 гг. до н. э. (фазы синжай [Xinzhai] и собственно эрлитоу) (с. 262).

На эпонимном памятнике Эрлитоу представлены несколько более ранних культурных слоев: яншао (5500–5000 кал. л. н., или 5100–4800 л. н.) и луншань (5000–4600 кал. л. н., или 4800–4400 л. н.). После 500–600-летнего перерыва на данное место пришли носители культуры эрлитоу. Найденные здесь знаки на артефактах, рассматриваемые некоторыми исследователями как письменность, авторами как таковые не принимаются (с. 263). Культура эрлитоу отличается от предшествующих ей комплексов центрального Китая наличием большого количества изделий из бронзы.

Время существования памятника Эрлитоу по ¹⁴C датам оценивается как 1750–1530 гг. до н. э. Поздний период существования эрлитоу (фаза IV, 1560–1520 гг. до н. э.) частично перекрывается с ранней фазой культуры эрлиган [Erligang] (1600–1415 гг. до н. э.). Поздняя фаза эрлигана датирована 1450–1300 гг. до н. э. (с. 269). Нужно отметить, что по результатам ¹⁴C датирования время существования династии Шан определяется как 1600–1050 гг. до н. э., династии Чжоу — 1050–770 гг. до н. э. (Guo et al. 2000).

Вывод авторов о культуре эрлитоу таков: это было четко стратифицированное общество с городским центром, доминировавшим в своем регионе и в политическом, и в ритуальном, и в экономическом отношениях, и его можно характеризовать как территориальное государство [territorial state] (с. 274).

Далее характеризуется культура эрлиган (1600–1400 гг. до н. э.), под которой авторы понимают Раннюю Шан (с. 278, 290). Время окончания эрлигана, известное как Средняя Шан (1400–1250 гг. до н. э.), является эпохой децентрализации и политической нестабильности (с. 291). Эрлиган рассматривается как раннее государство; наличие письменности в это время не подтверждено (с. 294–295).

Оба ранних государственных образования — эрлитоу и эрлиган — определяются Л. Лю и С. Ченом как *цивилизация* (с. 296). На мой взгляд, этот вывод ошибочен, так как в упомянутых культурах отсутствует ключевой признак цивилизации — наличие письменности (см., например: Schmandt-Besserat 1996). Авторы не упоминают обзорную работу (Jing, Campbell 2009), где детально рассмотрены подходы к определению понятия «цивилизация» в китайской археологии. Согласиться с тем, что культуры эрлитоу и эрлиган имеют прямое отношение к ранней цивилизации в Китае, по моему мнению, нельзя.

Попытка удревнить/продлить существование цивилизации в Китае выглядит как политический шаг, с которым вряд ли согласятся серьезные ученые. На самом деле подобный способ ведения исследований не так уж и безобиден. В качестве иллюстрации можно привести работы японского специалиста Ясинори Ясуды [Yoshinori Yasuda], который пошел еще дальше в определении термина «цивилизация» в Восточной Азии. Им в соавторстве с другими специалистами (см. Yasuda et al. 2003) была выдвинута идея о существовании так называемой «цивилизации бассейна р. Янцзы» [Yangtze River civilization] 6400–4200 кал. л. н. (или 4500–2300 гг. до н. э.). Ранее Я. Ясуда (Yasuda 2002) сделал вывод о «дзёмонской цивилизации» в Японии, существовавшей около 5500–4500 л. н. (5900–4800 кал. л. н.). Обе так называемых «цивилизации»

в понимании Я. Ясуды не имеют ничего общего с общепринятым значением этого термина (см. Kuzmin et al. 2009: 888–889).

Глава 9 «Культуры бронзового века северного пограничья и за его пределами в начале второго тысячелетия до н. э.» дает представление об эпохе бронзы за пределами Центральной равнины Китая — в Маньчжурии, Ордосе и Внутренней Монголии, на западе Китая (провинции Ганьсу и Цинхай; Синьцзян-Уйгурский автономный район). Для всех этих регионов характерно присутствие в 1-й половине II тыс. до н. э. археологических комплексов с нарастающей ролью животноводства в хозяйстве, а также с производством бронзы. Отмечается, что для западных районов Китая наблюдается культурное влияние извне, в первую очередь из Сибири (афанасьевская, окуневская и андроновская культуры; сейминско-турбинский культурный феномен). Хронология этих комплексов, приводимая авторами (с. 299), устарела. Так, они датируют афанасьевскую культуру около 3300/3200–2600/2400 гг. до н. э., тогда как в Минусинской котловине этот комплекс имеет возраст 2900–2500 гг. до н. э. (Svyatko et al. 2009). Окуневская культура, датируемая Л. Лю и С. Ченом 2500–1600 гг. до н. э., на основании новейших работ в Минусинской котловине существовала в 2500–2000 гг. до н. э. (см. Svyatko et al. 2009). Хронология андроновской культурной общности в Сибири, 2100–1500 гг. до н. э. по данным авторов, теперь определяется как 1900–1500 гг. до н. э. (см., например: Molodin et al. 2012).

Основное внимание в данной главе уделяется культурам нижняя сяцзядань [Lower Xiajiadian] в Маньчжурии, чжукайгоу [Zhukaigou] в Ордосе, кицзя [Qijia] в верховьях р. Хуанхэ, и комплексам ранней бронзы Синьцзяна. Культура нижняя сяцзядань (4000–3400 кал. л. н., или 4000–3500 л. н.) характеризуется преобладанием земледелия в структуре хозяйства, с важной ролью скотоводства. Ряд поселений имел каменные стены; присутствуют изделия из бронзы, главным образом украшения (с. 308). Существование древних рудников в зоне распространения культуры нижняя сяцзядань, вероятнее всего, свидетельствует о производстве бронзы (с. 309). Отмечается наличие «экзотических» предметов в материальной культуре (изделий из нефрита, бирюзы и агата; раковин каури), явно доставленных издали, что свидетельствует об активных контактах с другими регионами (с. 311).

Памятники культуры чжукайгоу (4000–3400 кал. л. н., или 4000–3500 л. н.) отличаются сравнительно большим количеством костей домашних животных — овцы и козы (41–59 % от общего состава археофауны), коровы (9–24 %); доля диких животных составляет 8–19 % (с. 312). Отмечаются культурные контакты с населением культуры кицзя. Поздняя культура чжукайгоу (фаза V) одновременно комплексу эрлиган и испытывала его культурное влияние, судя по присутствию эрлиганских бронзовых изделий и керамики (с. 315); имеются данные о собственном производстве бронзы. Авторы делают вывод, что носители культуры чжукайгоу представляли собой мультиэтническое сообщество без значительных внутренних конфликтов (с. 320).

Культура кицзя была открыта Й. Г. Андерссоном в начале 1920-х гг. Ее возраст определяется авторами как 4200–3600 кал. л. н., или 4100–3600 л. н. Отмечается, что существование этой культуры совпадает с похолоданием и иссушением климата в верховьях р. Хуанхэ около 4300–3700 кал. л. н. (или 4200–3700 л. н.) (с. 323), что, тем не менее, не мешало данному культурному

комплексу существовать и развиваться. Это, на мой взгляд, лишний раз подтверждает тезис о том, что в древности не прослеживается прямой, жестко детерминированной связи между климатом и существованием человека. Отмечается, что именно район распространения культуры кицзя является местом самого раннего производства бронзы и меди на современной территории Китая в III тыс. до н. э. (с. 329; см. также главу 7, культура мачжаяо). Авторы делают вывод о том, что носители культуры кицзя были посредниками в обмене между Центральной равниной Китая и степными регионами (с. 333), подчеркивая при этом, что отсутствие артефактов данной культуры в степных комплексах говорит об одностороннем характере обмена — из степей в верховья р. Хуанхэ.

Среди памятников ранней бронзы Синьцзяна (первая половина II тыс. до н. э.) авторы выделяют Кявригуль (Гумудоу) [Qǎwrighul (Gumudou)], Сяохэ [Xiǎohé] и Тяньшанбейлю [Tianshanbeilu]. Могильник Кявригуль находится к западу от озера Лобнор, в долине р. Кончедарья [Kǒnchǐ River], и датируется 4100–3500 кал. л. н. (или 4100–3600 л. н.). Погребения делятся на два типа: 1) в деревянных гробах, с шапками на головах погребенных, закутанных в одеяла; 2) в погребальных ямах, с деревянными столбами по периферии (всего семь колец из столбов, окружающих шесть могил данного типа) (с. 337). В погребениях обоих типов найдены зерна культурных злаков (пшеницы) и кости домашних животных, медные и нефритовые изделия, а также большое количество предметов одежды и украшений из тканей и кожи. Благодаря сухости климата прекрасно сохранились эти типы артефактов, а также естественным образом мумифицированные тела погребенных. Надо отметить, что авторы мимоходом упоминают монографию Э. В. Барбер (Barber 1999), где великолепно описаны не только текстильные изделия, но и материальная культура эпох бронзы и раннего железа Синьцзяна в целом. По моему мнению, эта книга по живости изложения и представительности материалов мало чем уступает описанию гробницы фараона Тутанхамона в книге ее первооткрывателя Г. Картера (см. Carter 2003), и ей следовало уделить больше внимания.

По результатам изучения ДНК из десяти погребений Кявригуля установлено, что оставившее его население принадлежало к европеоидной расе (с. 338). Авторы делают вывод о том, что появление европеоидов в Синьцзяне связано с миграцией носителей афанасьевской или андроновской культур в начале II тыс. до н. э. Нужно заметить, что возраст погребений (2000–1500 гг. до н. э.; см. выше) явно моложе времени существования афанасьевской культуры; следовательно, только андроновская культурная общность может иметь отношение к Кявригулю.

Могильник Сяохэ расположен в нижнем течении р. Кончедарья; его ранние этапы, наиболее хорошо изученные, датируются около 3700–3400 кал. л. н. (или 3800–3500 л. н.). По материальной культуре Сяохэ в целом сходен с Кявригулем (тип 2). Анализ ДНК от 17 мумий показал, что они имеют как европейские, так и центральноазиатские элементы; наибольшее сходство наблюдается с населением современных Узбекистана и Таджикистана (с. 342).

Могильник Тяньшанбейлю расположен в восточном Синьцзяне, близ г. Хами, и датируется 4000–3500 кал. л. н. (или 4000–3600 л. н.). В нем не сохранились ткани и кожаные изделия, а также человеческие мумии. Найдено большое количество предметов из меди и бронзы, сходных по типологии как со степными андроновской и сейминско-турбинской культурами, так и с комплексами

верховьев р. Хуанхэ и провинции Ганьсу (с. 344). Анализ ДНК показал вклад различных групп из Сибири, Центральной Азии и Синьцзяна в формирование населения, оставившего данный могильник.

В заключительной части главы 9 авторы делают вывод о том, что изменения климата, приведшие к увеличению роли степной растительности в Синьцзяне в начале бронзового века, определили изменение типа хозяйства с ориентацией на скотоводство (с. 345). Усиление контактов населения региона с соседними частями Китая проявилось в следующем: широкое распространение степных бронз; увеличение роли скота (в первую очередь, коровы, овцы и лошади [последней — время от времени]) в структуре жизнеобеспечения; культивация пшеницы и ячменя (т. е. пришлых для Китая культурных растений) (с. 346). Культуры 1-й половины II тыс. до н. э. северного пограничья представляли собой политии [polities] с высокой степенью социальной сложности, независимые от государственных образований эрлитоу и эрлиган (с. 349).

В главе 10 «Поздняя династия Шан и ее соседи (1250–1046 гг. до н. э.)» характеризуется первое подлинное государство на территории Китая. Поскольку раннегосударственному периоду Китая посвящено много работ, в том числе и ряд обобщающих монографий (см., например: Васильев 1995), в данном обзоре дается лишь краткая характеристика этой главы.

После эпохи Средняя Шан (около 1400–1250 гг. до н. э.), для которой были типичны децентрализация власти и политическая нестабильность, наступает Поздняя Шан со столицей на р. Хуан [Huan]. Время ее существования по историческим данным — 1250–1046 гг. до н. э., что практически совпадает с результатами ¹⁴C датирования (см. Guo et al. 2000). Наиболее важными культурными феноменами этой эпохи в плане взаимодействия с соседними регионами являются: распространение шанских бронз на значительной территории (до современных провинций Сычуань и Юннань; а также регионов Шаньдуна и Маньчжурии); появление колесницы и лошади, как тягловой силы и для верховой езды (с. 350). Отмечается, что по археологическим данным структура Поздней Шан гораздо более однородная, чем на основании изучения надписей на гадальных костях, согласно которым существовало около 20 полисов. Авторы делают вывод о том, что политическая организация этого времени была децентрализованной (с. 354).

Самая большая столица Поздней Шан — Юинь [Yin] — расположена близ современного г. Аньян и была открыта китайскими археологами в 1928 г.; именно это событие авторы рассматривают как начало научной археологии в Китае (см. выше). Территория, занимаемая позднешанской столицей, составляет 24–30 км². Именно к эпохе Поздняя Шан относится существование письменности (с. 356) — несомненного атрибута цивилизации.

Археологические данные по Шаньдунскому полуострову говорят о производстве соли в широких масштабах в Поздней Шан (с. 365). Также из Шаньдуна происходит первая находка колесницы в погребении (с. 366), хотя авторы предполагают, что использование лошади как транспортной силы и колесница происходят из района Лессового плато (главным образом Ордоса) (с. 386, 388).

Главный вывод Л. Лю и С. Чена — Поздняя Шан была мозаикой множества государств, перекрывавшихся по территории; она как распространяла свое влияние на соседние территории, так и заимствовала извне материалы и технологии (с. 391).

Глава 11 «Китайская цивилизация в сравнительной перспективе» представляет собой анализ цивилизации в Китае в сравнении с другими древнейшими центрами, главным образом Месопотамией. Авторы делают вывод о том, что собственно цивилизация существовала в Китае во II тыс. до н. э. (с. 392). Однако общеизвестно, что Поздняя Шан (которую, несомненно, можно считать первой китайской цивилизацией) существовала лишь в последние 200 лет II тыс. до н. э. (см. выше). Таким образом, попытка Л. Лю и С. Чена «продлить» цивилизационный этап китайской культуры как минимум на 800 лет (и тем самым сделать его сравнимым по древности с Месопотамией) кажется неудачной. В строгом смысле слова ни эрлитоу, ни эрлиган, ни Ранняя/Средняя Шан цивилизациями не являются.

В заключение необходимо сделать ряд общих комментариев. Складывается впечатление, что Л. Лю и С. Чен намеренно сфокусировались на результатах собственных исследований, при этом замалчивая или просто игнорируя серьезные работы, которые созданы другими учеными — например, сводку по археологии Восточной Азии Дж. Л. Барнс (Barnes 1999); книгу по археологии неолита и эпохи бронзы Маньчжурии под редакцией С. М. Нельсон, написанную китайскими исследователями (см. Nelson 1995).

При цитировании источников китайские публикации предпочитают международному — даже тем, что принадлежат авторам из Китая. Такой подход сильно ограничивает аудиторию пользователей данной книги, поскольку даже названия статей, книг и диссертаций не переведены на английский язык. В этом случае читатели (за исключением китайцев) остаются в неведении, о чем же говорится в источнике. Такой способ подачи информации вряд ли можно назвать эффективным по отношению к англоязычной аудитории, на которую (по идее) ориентируется книга. Контрастом с работой Л. Лю и С. Чена выглядит, например, монография В. Хансен (Hansen 2012), где наряду с оригинальными названиями (в латинской транскрипции) даны их переводы. Таким же образом построена библиография источников на русском, китайском, японском и корейском языках в англоязычных сборниках, редактирование которых проходило при моем непосредственном участии (см. Nelson et al. 2006; Kuzmin et al. 2007; Kuzmin, Glascock 2010; Ono et al. 2014).

Общеизвестно, что «игры» националистического толка не имеют ничего общего с подлинной наукой, которая по определению интернациональна. Об этом свидетельствует и история археологии Китая, основы которой были заложены иностранными учеными в начале XX в. Остается надеяться, что качество новых книг по археологии Восточной Азии будет выше, чем у монографии Л. Лю и С. Чена (Liu, Chen 2012), и на их авторов не будет давить идеологический пресс, последствия которого нам, российским научным работникам, хорошо известны.

Литература

- Васильев Л. С.* 1995. Древний Китай. Т. 1. Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). М.: Восточная литература.
- Жуциховская И. С.* 2004. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН.

- Кучера С. 1996. Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век. М.: Восточная литература.
- Кузьмин Я. В. 2013. Происхождение керамики в Евразии: современное состояние вопроса (начало 2010-х гг.) // ПАЕ 3, 8–26.
- Aigner J. S. 1981. Archaeological Remains in Pleistocene China. München: Verlag C. H. Beck.
- Andersson J. G. 1919. Preliminary description of a bone deposit at Chow-kou-tian in Fang-shan-hsien, Chili Province // Geografiska Annaler 1, 265–268.
- Andersson J. G. 1923. An early Chinese culture // Bulletin of the Geological Survey of China 5, 1–68.
- Aranguren B., Becattini R., Lippi M. M., Revedin A. 2007. Grinding flour in Upper Palaeolithic Europe (25 000 years bp) // Antiquity 81, 845–855.
- Barber E. W. 1999. The Mummies of Ürümchi. London: Macmillan.
- Barnes G. L. 1999. The Rise of Civilization in East Asia: The Archaeology of China, Korea and Japan. New York: Thames & Hudson.
- Barton L., Brantingham P. J., Ji D. 2007. Late Pleistocene climate change and Paleolithic cultural evolution in northern China: Implications from the Last Glacial Maximum // Madsen D. B., Chen F. H., Gao X. (eds.). Late Quaternary Climate Change and Human Adaptation in Arid China. Oxford: Elsevier, 105–128.
- Boaz N. T., Ciochon R. L. 2004. Dragon Bone Hill. Oxford: Oxford University Press.
- Campbell R. B. 2013. A new benchmark for Chinese archaeology // Antiquity 87, 1217–1219.
- Carter H. 2003. The Tomb of Tutankhamen. Washington, D.C.: National Geographic Society.
- Chang K.-C. 1986. The Archaeology of Ancient China. 4-th edit. New Haven, CT & London: Yale University Press.
- Chen C. 2007. Techno-typological comparison of microblade cores from East Asia and North America // Kuzmin Ya. V., Keates S. G., Shen C. (eds.). Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. Burnaby, B.C.: Archaeology Press, Simon Fraser University, 7–38.
- d'Alpoim Guedes J., Jiang M., He K., Wu X., Jiang Z. 2013. Site of Baodun yields earliest evidence for the spread of rice and foxtail millet agriculture to south-west China // Antiquity 87, 758–771.
- Guo Z., Liu K., Lu X., Ma H., Li K., Yuan S., Wu X. 2000. The use of AMS radiocarbon dating for Xia–Shang–Zhou chronology // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B 172, 724–731.
- Hansen V. 2012. The Silk Road: A New History. New York: Oxford University Press.
- Ho C.-M. 1984. Pottery in south China: River Xijiang and Upper Red River basins // WA 15, 294–325.
- Hopkirk P. 2006. Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Treasures of Central Asia. London: John Murray.
- Hummel M. 2013. China (New Book Chronicle) // Antiquity 87, 306–310.
- Jia L., Huang W. 1990. The Story of Peking Man. Beijing: Foreign Languages Press & Hong Kong: Oxford University Press.
- Jiang L., Liu L. 2005. The discovery of an 8000-year-old dugout canoe at Kuahuqiao in the Lower Yangzi River, China // Antiquity 79 (305), Project Gallery (<http://www.antiquity.ac.uk/projgall/liu/index.html>).
- Jing Y., Campbell R. 2009. Recent archaeometric research on 'the origins of Chinese civilisation' // Antiquity 83, 96–109.
- Kuzmin Ya. V. 2006. Chronology of the earliest pottery in East Asia: progress and pitfalls // Antiquity 80, 362–371.

- Kuzmin Ya. V., Glascock M. D. (eds.). 2010. Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Source Exploitation in the North Pacific Rim. Oxford: Archaeopress (BAR IS 2152).
- Kuzmin Ya. V., Jull A. J. T., Burr G. S. 2009. Major patterns in the Neolithic chronology of East Asia: issues of the origin of pottery, agriculture, and civilization // *Radiocarbon* 51, 891–903.
- Kuzmin Ya. V., Keally C. T., Jull A. J. T., Burr G. S., Klyuev N. A. 2012. The earliest surviving textiles in East Asia from Chertovy Vorota Cave, Primorye Province, Russian Far East // *Antiquity* 86, 325–337.
- Kuzmin Ya. V., Keates S. G., Shen C. (eds.). 2007. Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. Burnaby, B.C.: Archaeology Press, Simon Fraser University.
- Lee Y. K. 2002. Building the chronology of early Chinese history // *AsP* 41, 15–42.
- Licent E., Teihard de Chardin P. 1925. Le Paléolithique de la Chine // *L'Anthropologie* 35, 201–234.
- Liu L. 2004. The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States. Cambridge: Cambridge University Press.
- Liu L., Bestel S., Shi J., Song Y., Chen X. 2013. Paleolithic human exploitation of plant foods during the last glacial maximum in North China // *PNAS* 110, 5380–5385.
- Liu L., Chen X. 2012. The Archaeology of China: from the Late Paleolithic to the Early Bronze Age. New York: Cambridge University Press.
- Lu H., Zhang J., Liu K., Li Y., Zhou K., Ye M., Zhang T., Zhang H., Yang X., Shen L., Zu D., Li Q. 2009. Earliest domestication of common millet (*Panicum miliaceum*) in East Asia extended to 10,000 years ago // *PNAS* 106, 7367–7372.
- Molodin V. I., Marchenko Z. V., Kuzmin Ya. V., Grishin A. E., Van Strydonck M., Orlova L. A. 2012. ¹⁴C chronology of burial grounds of the Andronovo period (middle Bronze Age) in Baraba forest steppe, Western Siberia // *Radiocarbon* 54, 737–747.
- Nelson S. M. (ed.). 1995. The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall. London & New York: Routledge.
- Nelson, S. M., Derevianko A. P., Kuzmin Ya. V., Bland R. L. (eds.). 2006. Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory. Oxford: Archaeopress (BAR IS 1540).
- Ono A., Glascock M. D., Kuzmin Ya. V., Suda Y. (eds.). 2014. Methodological Issues for Characterisation and Provenance Studies of Obsidian in Northeast Asia. Oxford: Archaeopress (BAR IS 2606).
- Qu T., Bar-Yosef O., Wang Y., Wu X. 2013. The Chinese Upper Paleolithic: geography, chronology, and techno-typology // *JAR* 21, 1–73.
- Reimer P. J., Baillie M. G. L., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Bertrand C. J. H., Blackwell P. G., Buck C. E., Burr G. S., Cutler K. B., Damon P. E., Edwards R. L., Fairbanks R. G., Friedrich M., Guilderson T. P., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., McCormac F. G., Manning S. W., Bronk Ramsey C., Reimer R. W., Remmele S., Sonthon J. R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F. W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C. E. 2004. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // *Radiocarbon* 46, 1029–1058.
- Ren G., Beug H.-J. 2002. Mapping Holocene pollen data and vegetation of China // *QSR* 21, 395–422.
- Renfrew C. 1980. The emergence of civilization // Cotterell A. (ed.). *The Encyclopedia of Ancient Civilizations*. London: Windward Press, 12–20.
- Revedin A., Aranguren B., Becattini R., Longo L., Marconi E., Lippi M. M., Skakun N., Sinitsyn A., Spiridonova E., Svoboda J. 2010. Thirty thousand-year-old evidence of plant food processing // *PNAS* 107, 18 815–18 819.

- Schmandt-Besserat D.* 1996. Writing: Introduction // Fagan B. M. (ed.). The Oxford Companion to Archaeology. New York: Oxford University Press, 761–763.
- Shapiro H. L.* 1976. Peking Man. London: Book Club Associates.
- Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J.* 2009. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, southern Siberia, Russia // *Radiocarbon* 51, 243–273.
- Taniguchi Y.* 1999. Archaeological research at the Odai Yamamoto 1 site // Odai Yamamoto 1 Site Excavation Team (eds.). Archaeological Research at the Odai Yamamoto 1 Site: Inquiry into the Question of the End of the Palaeolithic Culture and the Beginning of the Jomon Culture. Tokyo: Kokugakuin University, 135–144.
- Teilhard de Chardin P.* 1965. The Appearance of Man. London: Collins.
- Underhill A.* (ed.). 2013. A Companion to Chinese Archaeology. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Wa Y.* 1992. Neolithic tradition in Northeast China // Aikens C. M., Rhee S. N. (eds.). Pacific Northeast Asia in Prehistory: Hunters–Fishers–Gatherers, Farmers, and Sociopolitical Elites. Pullman, WA: Washington State University Press, 139–156.
- Walker A.* 1998. Aurel Stein: Pioneer of the Silk Road. London: John Murray.
- Wang H. M.* 2001. Majiabang // Peregrine P. N., Ember M. (eds.). Encyclopedia of Prehistory. Vol. 3. East Asia and Oceania. New York: Kluwer Academic/Plenum, 206–221.
- Winkler M. G., Wang P. K.* 1993. The Late-Quaternary vegetation and climate of China // Wright H. E., Jr., Kutzbach J. E., Webb T., III, Ruddiman W. F., Street-Perrott F. A., Bartlein P. J. (eds.). Global Climates since the Last Glacial Maximum. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 221–264.
- Wu R., Olsen J. W.* (eds.). 1985. Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China. Orlando, FL: Academic Press.
- Yasuda Y.* 2002. The second East Side story: origin of agriculture in West Asia // Yasuda Y. (ed.). The Origins of Pottery and Agriculture. New Delhi: Roli Books & Lustre Press, 15–38.
- Yasuda Y., Fujiki T., Nasu H., Kato M., Morita Y., Mori Y., Kanehara M., Toyama S., Yano A., Okuno M., Jiejun H., Ishihara S., Kitagawa H., Fukusawa H., Naruse T.* 2003. Environmental archaeology at the Chengtoushan site, Hunan Province, China, and implications for environmental change and the rise and fall of the Yangtze River civilization // *QI* 123–125, 149–158.
- Yu W.* (ed.-in-chief). 1997. A Journey into China's Antiquity. Volume One. Beijing: Morning Glory Publishers.
- Zhang C., Hung H.-C.* 2010. The emergence of agriculture in southern China // *Antiquity* 84, 11–25.
- Zhang L.* 2013. The Chinese school of archaeology // *Antiquity* 87, 896–904.